

що пов'язані з національно-культурним контекстом упровадження такої моделі у дійсність.

Таким чином, формуванню громадянського суспільства можуть сприяти ті чинники, що перебувають у сфері духовного життя особи, формують індивідуальну правосвідомість і правову культуру. Вирішальна роль у цьому процесі належить правовій освіті і правовому вихованню, як обов'язковим, так і одержуваним через інституції громадянського суспільства. При цьому ціннісними орієнтирами правової культури і правового виховання повинні виступати права людини. Оскільки належна реалізація правових можливостей людини збігається з інтересами громадянського суспільства і правової держави, правове виховання має здійснюватися за рахунок дій як суспільних інституцій (наприклад, просвітницька діяльність щодо реалізації прав людини), так і держави (наприклад, упровадження освітніх програм з вивчення таких прав).

Н. И. Сатохина

КОГНИТИВИЗМ И НОНКОГНИТИВИЗМ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРАВА И ПРАВОВОМ ОБУЧЕНИИ

С такими поняттями, як доказательство или объективная истина, юристам приходится сталкиваться ежедневно. Став неотъемлемой частью юридической терминологии, эти концепты, эпистемологические по своей сути, в свою очередь определяют и структуры правового мышления. Поэтому правосудие нередко понимается как исключительно когнитивный процесс по аналогии с научным познанием. Но так ли это? Является ли вообще правовое суждение результатом познания? И какая роль отводится при этом субъекту права, который является по сути только объектом такого познания? Какой вес имеют права и свободы этого лица, если на другой чаше весов – объективная истина по делу? Представляется, что ответ на эти вопросы зависит от того или иного представления о природе правовой реальности в целом и ее антропологической составляющей в частности. Один из срезов последней связан с полемикой когнитивизма и нонкогнитивизма, которая и стала отправной точкой в осмыслении заявленной проблемы.

Под когнитивизмом здесь понимается методологический принцип, согласно которому сознание в целом и во всех своих проявлениях может быть сведено к знанию и познанию. В гуманитарных исследованиях когнитивистский подход проявляется в использовании эпистемологических концептов (истина,

теория, доказательство и т.п.) для постановки и решения ценностных проблем. Эта тенденция была выявлена и подвергнута критике некогнитивистами, представляющими различные философские школы XX в. Они утверждали, что ценностные суждения (моральные, правовые, эстетические, политические и др.) органически связаны с теми феноменами психики, некогнитивность которых общепризнана, поэтому такие суждения неререферентны и соответственно не могут быть истинными или ложными.

Одна из версий некогнитивизма в юриспруденции представлена правовой герменевтикой, подчеркивающей некогнитивную природу правового суждения, которое соответственно не может быть рассмотрено в терминах эпистемологии. При этом основные отличия правовой герменевтики от классической эпистемологии права состоят в следующем.

1. Герменевтика предполагает открытость читателя тексту и желание прислушаться к нему, активную вовлеченность. Этот элемент вслушивания является частью понимания, в отличие от познавательного элемента объяснения. В ходе последнего субъект изучает пассивный объект познания. В герменевтике же сам текст, который субъект пытается понять, раскрывает сущность и опрашивает понимающего. И в этом смысле можно сказать, что не мы толкуем право, а право толкует нас.

2. Если эпистемология пытается решать философские проблемы вне связи с причинами, породившими их, то герменевтика ориентирована на рассмотрение насущных вопросов в контексте цепочки вопросов-ответов, которая отражает ситуации, непосредственно заимствованные из повседневной жизни. Так, всякий закон имеет всеобщий характер и поэтому не может охватить практическую действительность во всей ее конкретности. Именно в этом, по мнению Гадамера, и состоит подлинная проблема юридической герменевтики: образцы поведения не являются вечными и неизменными, но и не являются простыми конвенциями, отражая природу вещей, и дело лишь в том, что эта последняя определяет себя всякий раз только в применении. И в этом смысле справедливость возможна только как справедливость конкретного случая.

3. Герменевтика иначе решает вопрос о точке отсчета понимания. Если классическая эпистемология основана на допущении Декарта, что отправным пунктом всякого познания является сомнение, то в герменевтике место сомнения занимает предпонимание. Иными словами, мы не можем занять непредвзятую позицию «над правом», а всегда обнаруживаем себя частью определенной правовой традиции, которая и определяет наше предпонимание.

4. В отличие от теоретического познания герменевтическое понимание всегда является одновременно и теоретической, и практической деятельностью.

тью, ориентированной не только на абстрактное осмысление правовой реальности, но и на применение права к конкретной правовой ситуации (реальной либо гипотетической).

Таким образом, правовая герменевтика представляет собой альтернативный эпистемологии подход к осмыслению правового суждения, акцентируя внимание на некогнитивной природе последнего. Вместе с тем в юриспруденции когнитивизм обычно не является предметом экспликации или обсуждения, а просто практикуется, что проявляется в смешении рациональных операций, характерных для познания и понимания. В познании эта процедурная составляющая представляет собой объяснение, а в понимании – обоснование, или оправдание. При этом объяснить что-либо – значит ответить на вопросы, что оно собою представляет, почему оно именно такое, а не другое, почему оно существует или осуществляется; обосновать положение – значит ответить на вопрос, почему (на каком основании) его следует принять, согласиться с ним. Следовательно, познание всегда направлено в прошлое, в то время как горизонтом понимания является будущее. И это понимание определяется не объективным положением дел, а общностью устремлений субъекта суждения и того, для кого оно значимо. Ведь здесь речь идет не обо мне, а о ком-то другом: вынося суждение, один человек полностью переносится в конкретную ситуацию, в которой находится и должен действовать другой. И человек способен на такое суждение не потому, что он сведущ во всем происходящем с другим, а потому, что он также «стремится к справедливому и связан с другим этой общностью устремлений» (Гадамер).

Смешение же причинного объяснения и рационального обоснования правового суждения не в последнюю очередь обусловлено особым характером объекта, с которым мы имеем дело. Ведь очевидно, например, что законы природы, представляющие собой высказывание о сущем, не требуют обоснования, нуждаясь только в объяснении, в то время как правовое суждение как суждение о должном есть результат обоснования, о чем свидетельствует уже сам принцип состязательности сторон. При этом речь идет не о познании истины, а об «отстаивания сторонами их правовых позиций». В этом же контексте нужно рассматривать и судебные компромиссы: мировое соглашение сторон, сделка о примирении между потерпевшим и подозреваемым или обвиняемым, сделка между прокурором и подозреваемым или обвиняемым о признании вины. В данном случае некогнитивный характер правового суждения налицо. Интересно, что подобные институты существуют в рамках в целом когнитивистски ориентированного процессуального права.

Рассмотренным моделям правового суждения соответствуют различные модели правового обучения, которые так или иначе воспроизводят практику

осуществления права. Так, герменевтическая модель правового обучения, так же как и осуществление права «на практике», представляет собой нарративно структурированный герменевтический процесс, в котором в диалогической форме воспроизводятся правовые смыслы. При этом основной задачей преподавателя является облегчение диалога для всех его участников с целью реализации права каждого быть услышанным. Основная же ценность такого обучения состоит не в предоставлении студенту готовых методик извлечения «истинных» смыслов права, а в опыте воспроизведения практики диалогического принятия решений в ситуации неопределенности и конфликта, а значит – в среде трагизма действия – в той среде, в которой и осуществляется право, когда конфликт не может быть исчерпан, но должен иметь решение в ситуативном моральном суждении.

Подводя итог изложенному, нужно отметить, что когнитивизм и некогнитивизм представлены в юриспруденции двумя моделями правового суждения и соответствующими им подходами к правовому обучению: познание по аналогии с научным познанием (эпистемологическая модель) и понимание, имеющее своим горизонтом мир, опосредованием – суждение и точкой приложения – единичные ситуации (герменевтическая модель). При этом высокий гуманистический смысл правовой герменевтики состоит в том, что она, будучи всецело ориентированной на толерантность, диалог, примирение и минимизацию насилия во всех его формах, отвечает сущности права и его предназначению.

В. О. Сліпенчук

СТАН ПРАВОСВІДОМОСТІ ТА ПРАВОВОЇ КУЛЬТУРИ ЯК ПОКАЗНИКИ ФОРМУВАННЯ ПРАВОВОЇ ОСОБИСТОСТІ В УКРАЇНІ

Проблема правосвідомості і правової культури особистості відчувається найбільш гостро тоді, коли відбувається руйнування створених нормативних зразків, змінюються цілі та цінності. Відбуваються зміни основних засобів, за допомогою яких реалізуються соціальні потреби суспільства. У зв'язку з такими глобальними змінами всередині суспільства встановлюються якісно нові норми правової взаємодії, поступово зростає роль поведінкового індивідуального вибору. В умовах соціальної і правової реальності в сучасній Україні ці процеси здійснюються у контексті процесу формування правової особистості як принципово нового типу правового суб'єкта. Тому досліджен-